

Литературный МОЯЖ

№ 3
(231)

Выпуск подготовлен при спонсорской поддержке СХПК Комбината **Желничный**

Слово редактору

Любезный читатель, здравствуй!

«Какая ранняя весна!
Какая сильная!
И зазвучала тишина,
А небо - синее!
Мели холодные ветра,
Да сразу стихнули,
И не приметные вчера
Веснушки вспыхнули...» - будто о нынешней весне писала Нина Груздева.

Весна в этом году сразу за дело взялась, с первого же дня марта... Точит сугробы, гонит ручьи, разливают лужи... Всё течёт, всё меняется! И даже в одну и ту же лужу нельзя ступить дважды!

Ну, казалось бы, и что? - каждый год весна. Но каждый год и ждёшь! И веришь, что вот, раз уж кончилась холодная зима, и всё оживает, просыпается, меняется на глазах, то и в твоей жизни обязательно наступят перемены. И, неизбежно, - к лучшему!..

Весна! Птицы поют, поэты пишут, снег тает... Жизнь, в том числе и литературная, кипит!

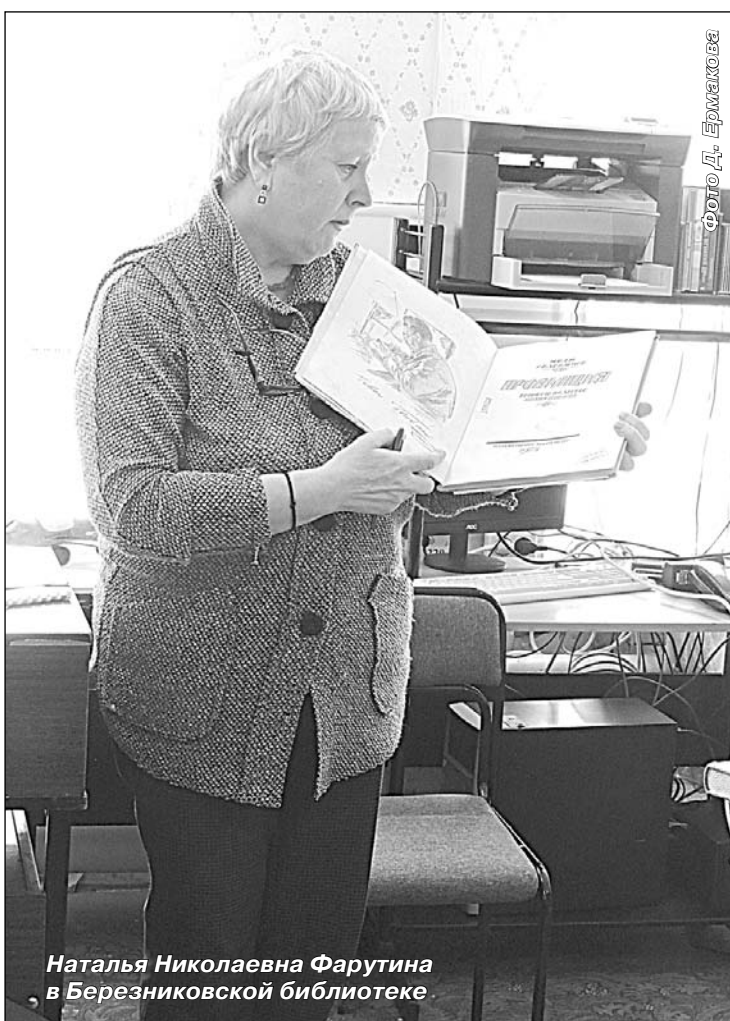
В Соколе спасают «дом Цветаевой». Мы уже писали об этом доме, в котором жила в сороковых годах (между двумя лагерными сроками) Анастасия Цветаева. Если бы не Елена Титова, преподаватель ВГУ, «открывшая» этот дом, может, его бы уж и не было, ведь рядом сносятся такие же старые дома... Кому они нужны - старье, рухлядь... Но ведь и в них люди жили и бывали счастливы. Так хоть один останется не только памятником Цветаевой, но и всей той жизни. Елена Витальевна и её помощники добились для «дома Цветаевой» статуса «выявленного объекта культурного наследия».

В Вологде то новую книгу презентуют, то вдруг высадились в галерею «Красный мост» «Шанхайский десант». Нет - не китайские парашютисты, а наши из Питера, Мурманска и Вологды прозаики и поэты, которые в прошлом году побывали на конференции в Шанхае. Среди них и Наталья Мелёхина, о новой книжке которой рассказываем в этом номере...

Весна, весна...
Всё только только начинается.
Всё хорошее...

Дмитрий Ермаков.

Библиотека - книга жизни

Наталья Николаевна Фарутина в Березниковской библиотеке

1.

Наталью Николаевну Фарутину я знаю давно. Часто встречаемся на мероприятиях в областной библиотеке имени Бабушкина или в крохотных сельских библиотеках, где она устраивает выездные выставки. Вот и на этот раз встретились в Березниковской библиотеке, на краеведческих чтениях, посвящённых Ивану Евдокимову. В сельской библиотеке школьники и взрослые читатели могли взять в руки, полистать редкие книги и журналы, изданные ещё в начале прошлого века. Такая возможность и в городе-то не у всех есть. И появилась такая возможность у сельских книголюбов, благодаря влюблённости Натальи Николаевны в своё дело. Оказалось, к тому же, что у неё и корни из этих мест...

Мы договорились о встрече и разговоре в Вологде. И вот я беседую с заведующей сектором редких книг отдела книгохранения Вологодской областной универсальной научной библиотеки Натальей Николаевной Фарутиной. Конечно же, в библиотеке.

- Мой отец, Фарутин Николай Степанович, родом из деревни Владычное, это по Кирилловской дороге, за Сямой. Родился в 1919 году. Всё детство провёл во Владычном, учился в Сяме. Обыкновенная крестьянская семья, шестеро детей. Ещё папа учился в Никольском Торжке в школе по гармонному делу и потом какое-то время даже в Вологде на фабрике баянов работал.

Ажил в Вологде на квартире у сестры Сергея Владимировича Ильюшина. На улице Мира, за баней, у неё был свой дом, и она земляков привчала. Был случай - в 1937 году - она отравила папу в Москву к Сергею Ильюшину, потому что долго не было от него писем. Ильюшин уже работал конструктором. Какая-то короткая встреча у них была (позже были ещё встречи), папа писал об этом в воспоминаниях... Кстати, заместителем директора областной библиотеки тоже работала родственница (кажется, племянница) конструктора - Мария Геннадьевна Ильюшина.

В 1939 году Н. С. Фарутина призвали в армию, и здесь не обошлось без «случайности», во многом определившей его дальнейшую судьбу...

- В 1939 году папу призвали в армию, - продолжает рассказ Н. Н. Фарутина. - По случаю призыва была гулянка, и какой-то парень заехал ему кирпичом в ухо. Папу отвезли в больницу в Кубенское, и поэтому он уходил в армию неделей позже. Все его односельчане попали служить на западную границу, в район Бреста, а он на Северный флот. Там и война его застала. Он был рядовым краснофлотцем, служил в дальнебойной артиллерии на полуострове Рыбачьем. Писал стихи и заметки для военной газеты, его публиковали. А в конце войны он уже и служил в газете, даже присвоили ему звание лейтенанта. Так журналистика и стала делом всей его жизни... После армии он вернулся в Вологду, а два его брата погибли.

В 1946 году познакомились родители Натальи Фарутиной. И опять случай... О, эти случаи, вершащие наши судьбы!..

- Мама жила в Кубенском, закончила учительский институт, работала в конце войны в Сяме в школе. Младший брат папы у неё учился, так что семья она уже знала. Даже бывала в их доме - в углу стояла гармошка, и родители говорили, что это сына, который в армии... А потом они случайно встретились в Кубенском, папа ехал в отпуск и помог маме подняться в «грузотакси»...

После переезда в Вологду Н. С. Фарутин работал в газете «Северный путь» (газета Северной железной дороги.), затем долгие годы в «Красном севере»... Любил и умел писать фельетоны, сейчас этот жанр почти пропал. Очень много писал об участниках Великой Отечественной войны. Открыл несколько имён вологжан Героев Советско-

го Союза. Его очерки публиковались во многих коллективных сборниках, оставил Николай Фарутин интересные воспоминания. Кубеноозерье, старая Кирилловская дорога, озеро - память детства Натальи Николаевны Фарутиной...

- Я, конечно, с раннего детства каждое лето бывала во Владычном, ездила туда к бабушке и дедушке. Мы ещё ездили по старой дороге, которая шла через деревни вдоль Кубенского озера... Помню огромные наполненные водой колеи... Автобусы тогда не ходили, а были так называемые «грузовые такси» - крытые грузовики. Иногда папа брал от «Красного севера» «козлик»... Выезжали из Вологды рано утром, приезжали во Владычное вечером. Вот какая дорога была... Дедушку почти не помню. Но с ним связано одно из самых первых детских воспоминаний: рядом с домом был старый колодец, я к нему подошла, и дедушка заругался, я побежала домой и кричу маме: «Поехали домой!» Дед пришёл, говорит - это я её напугал...

Дед был настоящий русский дед с окладистой бородой... В нашей семье есть легенда, что он сидел за одной партией с будущим писателем Евдокимовым в земской школе в Березниках.

Озеро от нашей деревни было далеко. А выход в озеро был через реку... Помню эту каменистую речку Дилялеву, на которой полоскали бельё... Огромный камень на берегу, на который с трудом залезали...

В каждом детстве - своя речка, камень или заветное дерево, то, что остаётся с нами на всю жизнь символом того, светлого, невозвратного...

2.

- Я очень любила ходить в библиотеку. Мне нравилось в нашей школьной библиотеке даже как сидит библиотекарь, как она книги выдаёт...

А я вспоминаю Антонину Дмитриевну Чухину, которая выдавала мне книги в библиотеке 24-й вологодской школы... Всего лишь выдавала книги, а помнится...

- А сюда я устроилась «по благу», - продолжает и смеётся Наталья Николаевна. - После школы я не поступила в институт и 17 декабря 1974 года пришла сюда. Это папа помог устроиться, конечно. Он был знаком с директором библиотеки Анной Георгиевной Серебренниковой, она тоже была ветеран войны, служила на Северном флоте. И она взяла меня. Мне дали должность младшего библиотекаря с окладом 62 рубля 50 копеек. С тех пор я здесь: из подвала поднималась на шестой этаж, - опять смеётся моя собеседница. А я думаю, все бы так «по благу» на всю жизнь приходили и любили бы свою работу так, как Наталья Николаевна.

- Потом я окончила заочно Кирилловское культпросветучилище и институт культуры в Ленинграде. Мне повезло, что в отделе книгохранения под своё крыло меня взяла Нелли Николаевна Белова. С ней очень интересно было работать...

И началась эта работа у Натальи Фарутиной едва ли не сразу с настоящего открытия...

(Окончание на стр. 12)

Библиотека - книга жизни

(Начало на стр. 11)

- Я совсем тогда недавно работала и случайно нашла в книгохранении уникальную рукопись: «Азбука языка словенского». Она стояла в общем фонде, и её не увезли. Ведь в 50-е - 60-е годы от нас очень много рукописных и старопечатных книг вывезли в Москву или передали на хранение в Вологодский областной краеведческий музей. А эта рукопись, благодаря тому, что стояла в общем фонде, осталась у нас. Я случайно её увидела - она необычной формы, в кожаном переплёте. Оказалось, что это рукописная книга создана в конце 17 века в Великом Устюге... Каждая буква написана пёрышком, некоторые настолько мелко, что не сразу и поймёшь, что это буквы... Такие открытия бывают и до сих пор. Лет пять назад приехали ко мне из Спасского-Куркина школьники, тогда там только началось восстановление усадьбы. И я пока-

зывала ребятам библиотеку из усадьбы, раскрыла одну книгу, а там между страниц засушенный цветок... Мы постоянно занимаемся реконструкцией стародворянских библиотек. Устанавливаем бывших владельцев книг по владельческим и дарственным надписям... Иногда это сродни распутыванию детективной истории, - рассказывает Наталья Николаевна.

«Редкий фонд», книги изданные до 1918 года, составляет в Вологодской областной библиотеке 80 тыс. единиц. Так что открытия, я уверен в этом, ещё будут. При одном обязательном условии: если будут в библиотеке работать увлечённые своим делом люди, такие как Н. Н. Фарутина.

О книгах, о библиотечном деле Наталья Николаевна может рассказывать, кажется, бесконечно. А я бы слушал и слушал... Я ведь тоже, признаюсь, влюблён с детства и навсегда в книгу. Этот книжный запах, эти родные строгие или весёлые имена

на корешках... Великое счастье, что здесь и сейчас чтение, общение с книгой, с автором дано каждому из нас. Каждому человеку. И как же унижены и несчастны люди, лишённые книг. А ведь есть и те, кто сами лишают себя этого счастья...

С пятого этажа мы поднимаемся ещё выше, на тот самый шестой этаж, где хранятся самые старые и редкие экземпляры.

Стеллажи, книги в специальных футлярах...

Но вот Наталья Николаевна открывает сейф с настоящими книжными ценностями...

Книга с автографом Николая Рубцова. Алексей Ганин: «Вологодской публичной библиотеке от Алексея Ганина». Автограф Гиляровского: «Подарено Сергею Васильевичу Рухлову...»

А вот прижизненное издание Константина Батюшкова: «Опыты в стихах и проза» из библиотеки Вологодской духовной семинарии. Изданы «Опы-

ты...» в 1817 году, так что этой знаменитой книге, которую сам Пушкин читал с пером в руках и оставил подробный разбор её, в этом году исполняется 200 лет. А самому Батюшкову - 230 лет. Двойной юбилей! Жаль, что музей-квартира Батюшкова в Вологде ныне в запустении. Но зато жив и «здоров» музей-усадьба Батюшковых в Даниловском, где довелось мне побывать в этом году... Будем надеяться, что и в Вологде будет музей, посвященный одному из самых знаменитых вологжан, великому русскому поэту - Константину Батюшкову...

А вот автограф классика русской литературы Всеволода Гаршина, жившего в имении Красково. Там же, в Красковском детском доме, волею всё того же «случая», спустя годы оказался мальчик Коля Рубцов. Теперь книги с их автографами в одном сейфе, их литературное наследие - в едином «сейфе» русской литературы.

Вот ещё надпись на книге:

«Прислана от господина Николая Михайловича Карамзина в Вологодскую семинарскую библиотеку 1806-го года мая 15-го дня. Ректор архимандрит Амвросий».

- Прочитав эту надпись, я стала заниматься и узнала, что во время работы Карамзина над «Историей государства Российского» была послана заявка в семинарию переписать Великоустюжскую летопись, и они для него за месяц всё переписали, а он в знак благодарности прислал около двадцати книг, - рассказывает Наталья Николаевна. И уже показывает следующий раритет - ту самую, найденную ей рукопись в кожаном переплёте: «Азбука языка словенского»...

А ещё: прижизненные издания Пушкина, знаменитое «Юности честное зерцало»...

Все эти книги мне посчастливилось держать в руках.

Спасибо, библиотека! Спасибо, Наталья Николаевна...

Дмитрий ЕРМАКОВ.

АЛЕКСАНДР ПАНКРАТОВ/ Наталья Мелёхина. - Вологда: Древности Севера, 2017.

Наталья Мелёхина, известный (и не только в Вологде, а и далеко за её пределами) журналист и прозаик написала книгу о Герое Советского Союза Александре Панкратове, к столетию героя. Написала хорошо. Она, вообще, хорошо пишет.

Но в связи с этой книгой, случилось, по-моему, чудо. По нынешнему времени я не знаю, как иначе назвать полный большой зал в областной библиотеке на презентации книги.

Повторю: люди собрались ради книги, полный зал... Кто-то скажет (и уже говорят) ну, там ведь школьников привели, там ветераны пришли, это, мол, всё официоз. Но факт есть факт: и школьников привели, и ветераны пришли на презентацию книги. Книга собрала людей. И это большая удача автора, издате-

Книжная полка «Маяка»

12+

ля и, надеюсь, читателя.

Тут, мне кажется, вот что слу-

чалось: совпал заказ конкретных людей, имеющих возмож-

ность оплатить издание (руководства завода ВРЗ, на котором когда-то работал А. Панкратов), заказ государства и общества на «патриотизм», личное желание и умение автора, читательский интерес к подобным книгам (всегда интересна биография знаменитого человека), возможности издательства.

Ну, и несколько слов от автора Натальи Мелёхиной: «Когда я только приступала к написанию этой книги о Герое Советского Союза Александре Панкратове, нашлись скептики, которые настойчиво задавали мне вопрос: «Разве можно рассказать так много о человеке, прожившем всего лишь 24 года?»...

Действительно в наши дни кажется, что 24 года - это слишком

мало для полноценной биографии. К этому возрастному рубежу молодые люди в большинстве своём только-только начинают профессиональную карьеру, создают семьи, планируют завести детей, покупают жильё в ипотеку, словом, включают в водоворот обычной житейской суеты.

Но 24 года - это срок длиною в жизнь, если ты, как Александр Панкратов, лёг грудью на дуло вражеского пулемёта... Истинный срок жизни Александра Панкратова - это вовсе не 24 года, это - вечность. На острове Нелезень под Новгородом, у амбразуры фашистского укрепления он шагнул в неё так буднично и просто, как будто всего лишь вышел в открытую дверь. Утерев пот со лба фуражкой, крикнув: «Рота, вперёд!»...

Книга ушла к людям. Счастливой ей жизни среди людей и для людей!

Д. Е.

Весной, когда солнце согревает каждый кусочек земли, домой возвращаются необыкновенные птицы - журавли. Они вселяют надежду, даря вечную весну...

...Надежду любили все. Маленькая, хрупкая, с хорошо сложенной фигурой девушка восхищала большими голубыми глазами и тонкими, прыгающими, словно высеченными журавликами, бровями. Пела, плясала, стихи сочиняла. И новое платье могла сшить всего за несколько часов, да ещё и с треугольниками птиц по краям.

После выпускных экзаменов в школе Надежда всё больше пропадала на веранде. Отец сделал пристройку к старой деревянной избе как раз к совершеннолетию дочери. Там, склонившись над свечой, она долго листала учебники, готовясь к жизненным испытаниям и предстоящим экзаменам в вуз. Иногда заходили гости, громко стуча в дверь пристроенного жилища. Услышав задиристый стук и дёр-

ганье дверной ручки, девушка выходила навстречу:

- Осторожно, дверь снесёте.

В этот вечер Мишка и Димыч стояли, улыбаясь так, как будто задумали новую озорную авантюру. Надежда и не подозревала, что старая смотанная проволока в их руках должна была принести свет на её веранду. Она попробовала остановить приятелей и, кривя бровями, произнесла:

- Проводка старая, не послужит.

Мишка ответил:

- У Карповой-старушки в зимовке лет пятьдесят служила, ещё столько же здесь провисит.

Начали прибывать, подсвечивая карманным фонариком. Гвозди падали на пол, искать их

уже никто не собирался. Но вот засверкало и осветило маленькое помещение изнутри. Мишка по-деловому поправил кепку. Потом, зажмурив один глаз, словно восторгаясь своим изобретением, произнёс:

- Вот теперь сиди и пиши:

«Журавушки-журавли
Оторвались от земли.
Крылья к небу вскинули,
Милый край покинули...»

Мишка, привыкший ёрничать и шалить, замолчал. Обычно он смеялся над собой, а сейчас приходилось иронизировать по поводу их общего положения, но из этого ничего хорошего не получалось...

- Надюшка, ты когда уезжаешь? - грустно спросил Димыч.

Но она не успела ответить. За окошком послышался гром-

кий голос:

- Ух ты! Много вас там!

И ребята увидели Сашку Проничева. К нему сразу же выбежал Мишка, а затем и Димыч с Надюшкой.

- Вся непобедимая деревенская ватага! - заголозил Сашка, хватая ребят за руки. - Ну что, изобразим: «Клин, клин журавлин!» - загоготал Проничев.

Надежда засмеялась:

- Давай сделаем тебе путь до военного училища!

И ребята, схватившись за руки, принялись бегать, в четыре голоса повторяя:

- Путь-дорога, путь-дорога!
Передней птице
С дороги не сбиться!

В этот момент на небе, как по заказу, появился журавлиный треугольник. Неожиданно

в майский пейзаж проникло настоящее чудо. И друзья замерли, смотря в небо. И кто-то из них сказал:

- Пусть всё, о чём мечтали, сбудется!

...Надежда закончила вуз с красным дипломом, но её собственные стихи так и остались лежать на той веранде. Озорной забияка Сашка Проничев вылетел со второго курса военного училища, сбежав в самоволку к дочери преподавателя-полковника. Позднее он занялся собственным бизнесом и осел где-то в Архангельской области. Димыч и Мишка тоже не пропали, закончили энергетический факультет и работают по специальности, но в разных и далёких от родного дома местах.

... А когда осенью пойдёте по нашей маленькой деревушке, то обязательно услышите журавлиный крик. И будет в нём надежда на светлое будущее, потому что в новую жизнь полетят повзрослевшие дети. По-настоящему, как умеют только они и птицы...

Журавли

Светлана ЧЕРНЫШЁВА

Елена Филимонова живёт в Великом Устюге, пишет стихи, в нашей газете публикуется впервые. Её стихи подкупают своей искренностью, душевной открытостью. Именно такой и должна быть поэзия...

В ПЕРВЫЙ РАЗ

Я живу без плана, без рецепта,
Без сомнений и пустых тревог,
Наслаждаюсь небом цвета лета,
Не ищу простых путей-дорог.

Я живу нечётко, неумело,
Без особых шансов на успех,
Я пытаюсь быть
безмерно смелой,
Зная, что не стану лучше всех.

У меня задача непростая:
Улыбаться, трудностям назло.
Если света в жизни
слишком мало -
Значит, мне чуть-чуть
не повезло.

Если чем обидела - простите.
Буду рядом
в самый трудный час.
За ошибки строго не судите -
Я живу всего лишь в первый раз.

СЛУЧАЙНО БРОШЕННАЯ ФРАЗА

Ей хотелось многое успеть.
Он перечеркнул
все планы разом -
Капли счастья
вмиг смогла стереть
Ничего не значащая фраза.

Он сказал:
«Знай, счастье впереди,
Только нам теперь
не по дороге».
Там, где летом разошлись пути,
Навсегда поселится тревога.

Ей бы эти мысли отогнать,
Чтобы снова в лучшее поверить,
И уже без боли вспоминать
Ранний август
с примесью потери.

Ей хотелось быть самой собой -
Озорной, улыбочивой девчонкой,
Но пришлось смириться
с пустотой,
С тишиной пронзительной
и звонкой.

У неё осталось право жить,
Брать у жизни новые уроки,
Повторять крутые выражи,
Сочиня искренние строки.

Он прочтёт серьёзные стихи,
Параллели проведёт не сразу -
В них звучит,
преградам вопреки,
Та случайно брошенная фраза.

СТРАННЫЕ НЕЖНОСТИ

Не называй меня любимой.
Есть нелюбимая - скажи.
Сомненья непреодолимы,
Я не готова жить во лжи.

Быть самой лучшей -
тоже странно,
Мне это «счастье» ни к чему -
«Одна из многих постоянных»...
Нет, я такого не пойму.

Единственная? Что за слово?
Оно - причина многих бед.
Мне принести оно готово
Тревог и ревности букет.

Различных «рыбок» -
просто море,
Заполнен «кошечками» двор.
По-человечески продолжить
Нельзя серьёзный разговор?

В словах детали замечая,
Даря признания в любви,
По мелочам не огорчая,
Меня по имени зови.

ПРИЗНАНИЕ

Непросто к чувствам
подобрать слова,
Переживаний краски
раскрывая.
Пусть от любви кружится голова,
Я кодекс отношений соблюдаю.

Мне с каждым днём
сложнее просто жить:
За целый год -
ни одного вопроса.

Я больше не пытаюсь не любить -
Мне кажется,
я стала слишком взрослой.

Молчание мне не смягчит вину.
Жива любовь
без права переписки.
Я ожидаю юную весну,
В календаре зачёркивая числа.

Мне важно посмотреть
в твои глаза,
Взаимных избегая обвинений,
Но надо мною больше,
чем гроза -
Угроза неисполненных решений.

Елена ФИЛИМОНОВА

«Меня по имени зови...»

Так суждено. Ты за меня решил,
Что разговоры
не имеют смысла.
А мне смириться не хватает сил
С тем, что над нами
тишина зависла.

Я попрошу лишь только
об одном:
Позволь мне написать
простые строчки -
Я не могу не рассказать о том,
Что мне тревожит душу
днём и ночью.

Бумага, ручка, важные слова,
Что в сердце я так бережно
хранила...

Тебе сквозь время
донесёт молва,
Что нашу встречу
я забыть не в силах.

А если будет несколько минут,
И ты прочтёшь
признание по строчкам,
То ты поймёшь:
глаза тебе не лгут -
В последней фразе
я не ставлю точку.

Чистосердечно я хочу признать,
Что мне любовью
страшнее приговора.
Я не успела у тебя узнать,
Чем начиналась роковая ссора.

В конце хочу сказать тебе слова,
Что главным

доказательством послужат.
Нет, не банальность:
«Я люблю тебя»,
А искренне и просто:
«Ты мне нужен»...

ВСЁ БУДЕТ

Я знаю: всё будет.
Возможно, не сразу -
Не в этом сезоне, не в этом году.
Я помню о многом.
Я помню о разном,
И повод для счастья,
пожалуй, найду.

Всё будет, как раньше.
А может, и лучше -
У белых полос
не должно быть границ.
И станет счастливым
«клинический случай»,
Застывший в обрывках
забытых страниц.

Всё будет. Возможно,
не скоро, но будет -
Не сразу сбываются вещие сны.
Не станут случайными
близкие люди
На скользкой дороге
к началу весны.

Я помню прошедшие дни
по минутам,
Осколки разбитых надежд
не храня.
И хочется верить, что каждое утро
Я новый свой день
начинаю не зря.

Хорошо, когда тебе 25 лет.
И к тому же ты только начинаешь
вить семейное гнездышко.
Пусть новое место жительства
находится не в самом родном
городке, а в пригороде, в деревне
- без каких-либо удобств, да
и на работу нужно ходить в город
за четыре километра. Молодость
это не страшит. Зато квартплата
значительно дешевле, а деньги
нужны как никогда - столько
всего нужно купить.

Из обстановки в «гнездышке»
- минимальный набор. Диван
да стол, да два стула с этажеркой
- вот и вся мебель. Посуду
- пару ложек да пару тарелок,
ещё кастрюлю со сковородкой
приходилось мыть по несколько
раз на дню, поскольку сменного
посудного набора не было.

Материальные трудности нас,
молодых, не пугали. Работа
есть, здоровье тоже - заработаем!
И ремонт сделали как-то быстро,
дабы мебели расставлено
мало - не тяжко перетаскивать.
Да дровами начали запасаться,
тянуть было нечего - стоял
второй месяц осени.

Привезли две машины горбылей
- они дешевле. Таскали и
укладывали в поленницы вечером
после работы. Но по такой
длинной дороге домой приходили
поздно и успевали мало.

И к выходным осталась
небольшая кучка неуложенных
дров. Свободного места под
крытым навесом уже не было.
Последнюю поленницу укладывали
уже на улице, у стены сарая.

С ночи подморозило, минувшая
температура держалась и днём.
Воздух был свеж, щёки
румянились, но холодок не чувствовался
- работа шла полным ходом.
Прохожих на улице появлялись
единицы. Но одна фигурка
привлекла внимание. Несколько
раз шествовала она мимо
нашего дома, поворачи-

вала и снова не спеша проходила
мимо. Прогулочная траектория
молодой особы становилась
всё короче. Кончилось тем,
что та особа остановилась у
поленницы за моей спиной. Разворачиваясь,
вижу перед собой девочку
- подросток лет 13 -ти на вид.
Шапка с помпоном набок,
поношенная куртка свободного
кроя, разношенные ботинки. Неровная
чёлка рыжих непослушных
волос, всё лицо в конопушках.
Большой рот растянулся в
приветливой улыбке. Несуразная
девица улыбалась мне:

- Работаешь? Дрова укладываешь?

- Да, укладываю.

- Может, помочь? Я могу помочь.

- Нет, не нужно. Дрова уже заканчиваются.

- Меня зовут Люська. А как тебя зовут?

Мне показалось, что Люся не понимает
нашей с ней разницы в возрасте,
а видит во мне лишь потенциальную
подругу. И чтобы урезонить её,
я назвалась по имени-отчеству:

- Татьяна Васильевна.

Люська секунд на десять застыла.
И говорит:

- Наташа, значит.

Прошло время, но этот случай
и последнюю фразу я вспоминаю
довольно часто. Люську я потом
в деревне встречала везде. Если
пойдёшь за продуктами в
деревенский магазин - обязательно
её встретишь. Девчонка была
безотцовщиной, из бедной
многодетной семьи, где толком
никто и не работал. Откуда
деньгам взяться? Сердоболь-

ные продавцы взяли Люську в
помощницы. Помыть пол, убрать
коробки. Или побыть живой
рекламой - пробежаться по деревне
и сообщить, кому следует, что
новый товар в сельпо привезли.
Выполнив поручения, быстроногая
помощница возвращалась в магазин.
Вечно голодная, с нездоровым
аппетитом, Люся торчала у прилавка
и жадными глазами следила за тем,
какие продукты брали покупатели.
Громко комментировала, чьи вкусы
ей больше нравятся. Я делилась
с ней сладким, и она его сразу
жадно съедала.

Деревенские считали девочку
местной дурочкой за то, что она
туго соображала. В магазине при
ней было почти всегда шумно.
Та разговаривала громко,
часто не понимала и переспрашивала,
а хохотала ещё громче,
никого не стесняясь. Некоторые
Люську любили позлить,

тогда она начинала кипятились
и спорить. Местным - развлечение.
Кто смеялся над ней открыто,
а кто тихонько посмеивался.
Парни - те и вовсе дразнили
дурочку по-всякому, а могли
и руки за спину завернуть и
держали долго.

Бывает, Люся провожала меня
утром до конца деревни, если
мы случайно встречались. Или
встречала у первых деревенских
построев вечером и доводила
до дома. И всегда она старалась
взять меня под ручку и начинала
доверительный рассказ. Жаловалась,
что парни её обижают, проходу
не дают. А когда однажды её в город
занесло, то вообще большие
проблемы случились. Так и ждала
девица случайных прохожих для
компани, чтобы по дороге никто
не обидел.

Когда Люська немного повзрослела,
заневестилась, про-

блем с ней стало больше. Возили
девку на аборт. Хочет она родить
или нет - вопроса не стояло.
Да и были, оказывается, у дурочки
приступы буйства, при которых
заводить потомство совсем
нельзя. Припадкам становились
всё чаще. А силища в те моменты
появлялась такая, что худосочная
мать никак не могла справиться
с ней без посторонней помощи.
Поэтому время от времени
приходилось отправлять Люську
в специальный дом, где она
проходила курсы лечения.
Таблетки заставляли принимать
постоянно.

Последний раз я встретила
Люсю в районной поликлинике.
К кабинету психиатра маленькая
сухопарая женщина с седыми
растрёпанными волосами привела
девицу, которая казалась в полтора
раза больше её. Это же старая
знакомая! Я смотрела на девушку
и не могла узнать такую громкоголосую,
эмоциональную Люську. Передо
мною был человек, которого
водили, раздевали, сажали на
стул, и на стуле он сидел прямо
и без движения, глядя в одну
точку. Люся, конечно же, меня
не узнала. Она вообще никого
не узнавала. Да и не понимала,
где находится. Когда её спрашивала
мать - медленно, как попугай,
повторяла за ней слова. И по-прежнему
смотрела в одну точку. Вроде бы,
в окно, а там плакало серое небо.

Люськи больше нет. Даже самое
крепкое сердце не может долго
жить на таких таблетках. Никто
не шумит в магазине, не
поджидает тебя в начале деревни,
чтобы пройти под ручку. Никто
не слоняется у поленницы, когда
ты укладываешь дрова. Даже ветер
не шуршит осенними листьями.
Тишина.

- Работаешь? А хочешь, я тебе
помогу?

Анна ЕЛЬЦИНА

Люська

блем с ней стало больше. Возили
девку на аборт. Хочет она родить
или нет - вопроса не стояло.
Да и были, оказывается, у дурочки
приступы буйства, при которых
заводить потомство совсем
нельзя. Припадкам становились
всё чаще. А силища в те моменты
появлялась такая, что худосочная
мать никак не могла справиться
с ней без посторонней помощи.
Поэтому время от времени
приходилось отправлять Люську
в специальный дом, где она
проходила курсы лечения.
Таблетки заставляли принимать
постоянно.

Есть люди, которые в состоянии испортить любую самую благоприятную для человеческого пребывания погоду и даже ожидание новогоднего праздника. Это, как правило, финансовые и пожарные инспекторы, судебные приставы и Антон Привольнов, рассказывающий о еде, которую нельзя было есть даже в старом году. Кстати, ничего ведь не случилось.

Понятно, что все эти страдалцы за народное благосостояние, испытывают некоторое чувство вины, но долг службы обязывает бороться, искоренять и предупреждать. Справедливости ради, отметим, что и мы на их ответственном месте делали бы то же самое.

А ещё, к всеобщему несчастью, есть и такие, кого никто не уполномочивал вскрывать, так сказать, «язвы общества». А они всё равно лезут. Всякие Зоценки, Петровы, Булгаковы и даже Чехов Антон Павлович взяли за моду над всем смеяться. Выражать ехидное недовольство нашим поведением в семье, школе и на производстве форточных заветок. Но, если этим гражданам, в силу их несомненного таланта, многое можно простить, то особому «овощу», выращенному на плантациях зависти и скрытого недовольства издержками капиталистического общества, ничего прощать не хочется. В быту эту прослойку общества считают занудами, и в большинстве случаев уставшие на работе граждане стараются с ней не связываться. На беду, чаще всего зануды попадают в обстановку, когда вы обречены их терпеть. Например, в очереди в банк или туалет, или в купе поезда, мчащегося по просторам нашей великой родины.

Да вот вам наглядный пример. Второго марта прошлого года маршрутный автобус плавно начал движение из пункта «А» в областной центр. Длинный по километрам и времени путь никого не страшил, поскольку погода была отменная, а переполненные сумки позволяли надеяться, что голод никому не грозит. На кондукторском сидении грызла семечки красивая женщина средних лет и выше средней степени упитанности, явно служащая автотранспортного предприятия, но, скажем так, не при исполнении. Может, она ехала домой, в «родные палестины», после трудовой недели? Есть замечательный сорт людей, которые даже во сне ведут себя по-рабочему. Да чего далеко ходить, вахтёр одного частного предприятия, находясь дома, забывался и даже у жены и детей требовал документы. По инерции. Но не о нём речь.

Женщина приятельски разговаривала с водителем, когда на последних сидениях автобуса громко засмеялись сразу несколько пассажиров. Никто не знает, отчего этот смех вызвал возмущение автослужащей. Возможно, ей показалось, что смеются над ней.

Вы видели когда-нибудь только что родившего щен-

ка пусть и породистой собаки? Жалкое и не очень эстетическое зрелище. Но уже в два месяца щенок становится таким милашкой с чёрными бусинками глаз, что даже взрослым хочется взять его в руки пощекотать и даже поцеловать в носик.

Нечто подобное, только в обратном направлении, произошло и с женщиной в форме. Красивое лицо её исказилось, она встала и своей могучей фигурой буквально раздала всех пассажиров автобуса: «Над кем это вы смеётесь? Думаете, я не при исполнении, так смеяться можно? Ни-

ботаешь? Официанткой? Оби-раешь клиентов по первое число. Знаю я таких: счёт подают, а сами глазки строят. Пока клиенты пытаются отгадать, на что вы намекаете, деньги теряют ценность.

- Ну, а ты, дедуля, далеко ли без хлеба? - обратилась она к старичку, сидящему на месте для детей и инвалидов. - Куда намылился? За пенсией ездил? Велика ли пенсия? Да, не лишка. Терпи! Нам главное, чтобы там, наверху, не обеднели.

- Ну, а ты, молодуха, чего прилипла к этому рудименту времён социалистическо-

оставил служебный автомобиль, чтобы ехать с вами на этой развалюхе, и Вы же меня оскорбляете.

- Какой же вздор? Вопрос животрепещущий, - не отставала женщина. В автобусе одобрительно заворчала. - Первый раз он, видите ли, едет? А они, - она повела рукой над головами пассажиров, - всю жизнь ездят в этой, как ты выразился, развалюхе, и думают, что так и надо.

Приблизившись к гражданину купеческого звания и приятельски его подтолкнув, спросила:

Николай АЛЁШИНЦЕВ

Не горюй!

чего подобного. Пока я в форме, я служу». При этих словах она подтянула к коленям форменную юбку и голосом, не допускающим возражений, крикнула: «Приготовьте билеты!». Пассажиры зашевелились, а женщина уверенно, проверяя билеты, двинулась к задним сидениям.

Интеллигентный мужчина, висящий на поручне, мешал ей пройти, и она, грубо захихнув его между сиденьями, грозно произнесла: «Не мешай движению! Видишь, я иду! Это ты дома в спальне можешь лежать, как заблагорассудится. А у меня будешь стоять, как положено, не мешая мне исполнять обязанности. Что, на работу едешь? А думаешь о чём? Как производительность труда повысить? Не смеши? Я тебя насквозь вижу, и думаешь ты не о производительности, а о том, как бы на рыбалку в пятницу умыкнуть».

- Я не рыбак, - ответил висящий строго. - И отвяжитесь от меня.

- Не рыбак, значит, бабник. Другими мужики не бывают, - жестко, словно гвоздь вколотив, воскликнула женщина. - Чего молчишь? Нечем крыть? То-то.

Интеллигент на всякий случай втянул голову в плечи и взглядом поискал защиты у пассажиров. Но все внимательно смотрели на меняющуюся за окнами автобуса пейзаж.

- А ты, дамочка? Чего билет не подготовила для проверки. Ишь, расфуфырилась? Кем ра-

го соревнования. Изнывая от любви к его двушке, терпеливо ждёшь, когда он даст дуба. Любишь! Ой, не смеши меня. Любить мужчину столь почтенного в годах - всё равно, что пускаться в круиз на самоходной речной барже-песочнице, к тому же названной «Титаник».

- Ну, а Вы, представитель передовой буржуазии, - кондуктор невежливо толкнула стоящего в проходе элегантно одетого толстого мужчину с усиками а-ля Вертинский и с бородкой кулака времён первых завоеваний октябрьской революции. - К какому разряду Вас отнести позволите? Ах, к купеческому! Славно, славно. Могла бы и сама по животу определить. Ответьте нам только на два вопроса, и мы немедленно отвяжемся. Уважаемая публика, следующая в этом транспортном средстве, не прочь узнать из первоисточника: «Куда деваются просроченные продукты?» и почему содержимое бутылки, случайно выпавшей из рук моего знакомого, моментально выжгло два с половиной квадратных метра линолеума, хотя написано было водка, очищенная молоком.

Усики презрительно скрипелись:

- Много чести, чтоб я отвечал на Ваш вздор. Я депутат от правящей партии, и не смейте меня оскорблять. Первый раз решил приблизиться к чаяниям и бедам народным и

- Так чего по продуктам информации не даёшь?

- У нас просроченной продукции не бывает. Отвяжись.

- Врешь, да ладно. Ты посмотри, бессовестный, вон девушка, на втором сиденье, тощая до невозможности. За поручень держится, чтобы не взлететь. Это она из-за тебя так похудела. При твоих ценах и её зарплате, как моряки говорят: гибель эскадры!

- Ты, милая, у него в лавке продукты покупаешь? Вообще не ешь? Отравиться боишься? Сочувствую. Ну, хоть кашу какую бы ела. Ах, модель? Вон оно что? Модель чего? Жертвы нацизма или дурости? Вечером муж тебя спать унесёт и, наверное, плачет всю ночь. Не надеется, как утром проснёшься. Его понять можно. Нет мужа? Тоже можно понять. Они хоть все кобели, но не до такой же степени. Я уж на что человек не жалостливый, но ты меня доканала своим состоянием. Чего головушку-то повесила? Плачешь? Подташнивает и круги перед глазами? Так ведь ты умрёшь, эдак. Ой, дура! Вот, на конфету и быстро съешь.

Служащая достала из кармана конфету, развернула её и буквально впихнула в рот поникшей девушки.

Не все увидели, что в это мгновение грозная представительница автотранспорта превратилась в красивую заботливую женщину. Нерастерянный в боях за личную независимость материнский инстинкт явно победил в ней всё, что коверкало её характер и душу.

- Граждане, нет ли у кого сахара или чего-нибудь сладкого?

Со всех сторон потянулись руки со сладостями. Но всех удивил кудрявый русоволосый малыш, он только что получил от мамы большую красивую плитку «щекоча» и, попробовав кусочек, даже зажмурился от удовольствия, но, услышав призыв проверяющей, слез с сидения и, держась за поручни сидений, пошёл к девушке и протянул шоколадку:

- Возьми, она очень сильно вкусная. Не плачь. Мне мама другую купит. Ты не плачь. А ты и мне плакать захотелось.

Он погладил протянутую за шоколадкой руку девушки. Вскликинул, но поборол себя и тихонько шепнул ей:

- Я мужчина. Мне плакать нельзя.

Автобус остановился. - Ну, давай, Петрович, пока, - обратилась «зануда» к водителю.

Вздыхнула, оглядев салон с пассажирами, и остановила взгляд на девушке, отламывающей от шоколадки маленькие кусочки. Та, видимо, неправильно поняла её взгляд и протянула остатки шоколада:

- Возьмите, мне много нельзя.

Служащая транспорта смутилась. Ей хотелось закричать, что она не побирается, что нельзя судить обо всех по каким-то тварям, обирающим народ. Но вместо этого спросила:

- Тебе далеко ещё ехать? До конечной? Так это же ещё четыре часа? Не выдюжишь ты. Я ведь вижу, как у тебя руки и ноги трясутся. Пойдём ко мне. Никаких возражений.

Служащая помогла девушке выйти и спросила:

- Родители-то у тебя где? В деревне? Так какой леший тебя сюда-то принёс? Работы в деревне нет? Дожили. В деревне нет работы? А, что говорить? Давай через ларёк пройдём. Надо тебе отвару мясного попить.

Кондукторша купила большую курицу, гранат и апельсин.

- Сейчас не пропадём. Дай я тебя под руку возьму. На четырёх ногах идти надёжнее. Ты не горюй. Переночуешь, а утром я тебя на первом же автобусе домой отправлю. Да брось ты эту работу к чертям.

Они шли по улице небольшого городка, где все знали женщину в форме, но, поздоровавшись, тут же отворачивались.

- Смотри! Это они так недовольство своё выражают. Я им всегда правду в глаза говорю. А у нас это опаснее, чем ругать президента. Вот и дуются. Да не детей кредитить с ними. Завтра очередную сплетню запустят. Я даже знаю о чём: «Видели? - скажут, - к нашей зануде дочь явилась. Тощая, в чём душа держится. Заморила мамочка. Только других судит, а сама родную дочь прокормить не могла! Надо Гордону написать, пусть прищучит заразу».

- Я не обращаю внимания. Не главное, что скажут, а главное, что я делаю. Ну? Как ты? Шоколад помог? А тот малыш в автобусе - какой молодец. Не даром в анекдоте говорится, что всё у нас так себе, а дети хорошие. Вот разболталась, а до сих пор не спросила, как тебя зовут... Леной. Надо же. Какое ласковое имя. Ничего, Ленушка: «Все проходят раны, поздно или рано». Прорвёмся. Ты только не горюй!